

от республиканской свободы сената к свободе провинций. Однако Рим и сенат все еще сохраняли монополию выбора императора. Против этой-то монополии и восстали провинции. Такие сепаратистские движения, как восстания Виндекса, Цивилиса, Флора и Сакровира, Классика и Тутора, не имели отношения к этой борьбе и вообще большой роли не играли, так как «варвары» еще не могли создать своего государства. Основными факторами были сенат, преторианцы и легионы. Первый выдвинул Гальбу, вторые — Отона, германские легионы — Вителлия. Но только Веспасиан разрешил проблему единства империи.

Нерон, пишет Манфре, вызвал недовольство Запада своим проориентализмом. Однако он считает неправильным видеть в этом причину восстания Виндекса. Верно замечание Манфре, что если в передаче Тацита обвинения Виндекса против Нерона совпадали с обвинениями, выдвинутыми участниками заговора Низона, то это еще не значит, что интересы у них были общие. Галлы искали лишь предлога, чтобы начать восстание. Соответственная обработка версии восстания Виндекса была сделана сенатской историографией, восходившей к Гальбе. Положение это Манфре доказывает убедительным и подробным анализом источников. Он считает, что Гальба был готов идти на союз с галлами, так как он не рассчитывал на поддержку легионов. Он всецело ориентировался на сенат, желавший выборного, независимого от него принцепса, и враждебный «низшим» классам. На стороне последних выступили легионеры. Они восстали не из жажды грабежа, а в поисках императора, который понял бы и сумел разрешить новые политические задачи. Гальба возбудил их ненависть, осуществляя в своей политике реакцию озлобленного долголетним унижением сената. Поминенно Манфре, он делал шаг назад по сравнению не только с Нероном, но и с Августом (стр. 68). Против него восстали германские легионы, которых поддерживали треверы, лингоны и другие племена. Вителлия они выставили, чтобы иметь какое-нибудь имя. Их попытка была обречена на неудачу, так как она разрывала единство империи (стр. 82). Отон был выдвинут солдатами и низшими классами, но, придя к власти, стал искать компромиссных путей и пытался примириться с сенатом. Потерпев неудачу, он покончил самоубийством (стр. 92). Так же как Отон не сумел достичь классового единства, так и Вителлию не удалось сплочение всех провинций. Манфре дает любопытное толкование титула Вителлия «Германик». Он считает, что этот титул был символом антиримских настроений германских легионов. Они не пожелали дать своему ставленнику титулы Цезаря и Августа, чтобы подчеркнуть его разрыв с Римом и сенатом и прочую связь с рейнской армией (стр. 111). Однако из этого союза императора и германского войска были исключены германские вспомогательные когорты, набравшиеся из галльских и германских племен. Оскорбленные Вителлием и легионами, они охотно стали на сторону своих восставших соплеменников (стр. 114).

В противоположность Вителлию, Веспасиан принял все традиционные титулы. Его главной целью было восстановление единства империи. Он надеялся достичь его активной пропагандой, без кровопролития, но придунайская армия по собственной инициативе выступила против Вителлия. Победа Веспасиана была победой провинций и легионов над Римом и сенатом, принципата провинциального над принципатом просенатским (стр. 139). Но Веспасиан, как некогда Август, должен был примириться с побежденными. Отсюда августовские черты в его политике. Однако если власть Августа основывалась на *auctoritas* и компромисс его с республикански настроенным сенатом носил политический характер, то теперь, когда сенат убедился в необходимости принципата, его компромисс с Веспасианом стал конституционным. Это отразилось в *lex de imperio Vespasiani*. Если власть Августа носила как бы экстраординарный характер, то власть Веспасиана закономерно санкционировалась. На базе этого компромисса воцарился мир (стр. 141). Существовавшая в сенате оппозиция во главе с Гельвидием Приском была крайне реакционна, направлена против провинций и изменяла основному римскому принципу — «милости к побежденным» (стр. 145).

Книга Манфре выгодно отличается от работы Омо критическим отношением к сенатской исторической традиции, в частности к Тациту, и, главное, попыткой найти какие-то более общие причины происходивших событий. Он совершенно справедливо

видит их в развитии провинций и в косности известного числа представителей римского правящего класса, которые никак не могли усвоить более гибких методов эксплуатации всех категорий угнетенного населения, от провинциалов до рабов. Однако он чрезмерно идеализирует роль Рима в провинциях, и то, что было лишь новыми методами эксплуатации, он принимает за освобождение. Презрение к беспомощности «варваров» заставляет его видеть в римских легионах представителей и защитников провинций, тогда как провинциальные восстания он объявляет неважными и не игравшими никакой роли. Между тем, как установил советский историк А. Г. Бокщанин в своей еще не опубликованной диссертации, именно провинциальное гражданское население побуждало солдат к восстанию. Высшие классы провинций Запада достаточно окрепли, чтобы предъявить свое право на участие в политической жизни империи. Несмотря на попытки найти социальную базу кризиса 68—69 гг., Манфре постоянно сбивается на противопоставление «сенат» — «армия», не выясняя социальной роли того и другого. Хотя идеализация Веспасиана у Манфре не так гипертрофирована, как у Омо, но и для него заслуги «восстановителя единства империи» заслоняют все остальное.

Несмотря на свои значительные недостатки, обе книги представляют известный интерес, поднимая вопрос о природе кризиса 68—69 гг. и о деятельности Веспасиана. Их ошибки, весьма характерные для буржуазной методологии, должны быть учтены историками-марксистами, которые пожелают осветить этот вопрос, мало разработанный еще в нашей литературе.

Е. М. Штаерман

L. ROSS TAYLOR, Party Politics in the age of Caesar, Los Angeles, 1949, 255 стр.

Работа американской специалистки по истории древнего Рима Л. Росс Тэйлор «Партийная политика в Риме во время Цезаря» является первым в американской историографии исследованием по вопросу о борьбе партий в Риме. Оценку книги Л. Росс Тэйлор мельком дала Е. М. Штаерман в обзоре «Цицерон и Цезарь в послевоенной буржуазной литературе». Подчеркнув буржуазную ограниченность и реакционность взглядов автора, Е. М. Штаерман тем не менее считала, что работа Л. Росс Тэйлор «все-таки одна из немногих написанных за последние годы на Западе книг, которая пытается поставить более широкие вопросы и разрешить их, детально анализируя источники»¹.

Чтобы высказаться о достоинствах или недостатках рецензируемой работы, прежде всего следует ее сравнить непосредственно с теми работами, которые посвящены изучаемому вопросу, т. е. борьбе партий в Риме. Для буржуазной литературы XIX в. был характерен взгляд Т. Моммзена, отождествлявшего римские политические партии с партиями нового времени и видевшего в оптиматах и популярах аристократическую и демократическую партии. Начало иному взгляду на римские партии в буржуазной историографии положили исследования М. Гельцера². Гельцер, в отличие от Моммзена, не видит в Риме партий, похожих на современные ни по их организации, ни по методам борьбы. Оптиматы и популяры, по мнению Гельцера, это не две различные партии, отстаивавшие в политике различные принципы, а две группировки нобилитета, ведущие между собой борьбу за власть. Взгляды Гельцера на римские политические партии развивал другой немецкий историк 20-х годов текущего столетия Ф. Мюнцер³.

¹ Е. М. Штаерман, Цицерон и Цезарь в послевоенной буржуазной литературе, ВДН, 1950, № 3, стр. 156.

² M. G e l z e r, Die Nobilität der römischen Republik, Lpz., 1912; Die römische Gesellschaft zur Zeit Ciceros, NJKPh, 1920; Caesar, der Politiker und Staatsmann, Berl., 1921.

³ F. M ü n z e r, Römische Adelparteien und Adelsfamilien, Stuttg., 1920.

В 30-х годах вопрос о римских политических партиях привлек к себе новых исследователей, отстаивавших положения Гельцера. А. Премерштейн, изучая социально-политические основы принципата, довольно подробно разбирает вопрос о характере римских политических партий¹. По его мнению, объединительным фактором в этих партиях была не программа, которая постоянно менялась, а личность вождя. Отношения между вождем и членами партий строились по принципу клиентелы. Вождь партии — *princeps* — был патроном, которому члены партии, как клиенты, должны были принести клятву верности. Борьба партий в Риме закончилась победой «партии порядка и отечества» и захватом ею власти.

Большое внимание борьбе между родовыми и семейными группировками уделял Р. Сайм, выпустивший в 1939 г. книгу «Римская революция»². Присоединяясь к взгляду Гельцера на римские политические партии, Сайм уделяет большое внимание изучению роли плебса в партийной борьбе I в. до н. э. Так же как и Премерштейн, Сайм считает, что результатом партийной борьбы в Риме был захват власти одной «национальной партией». Можно согласиться с мнением автора рецензируемой книги, что Премерштейн и Сайм интерпретировали политическую борьбу в Риме конца республики «в свете роста национал-социализма»³.

Краткий обзор буржуазной литературы по вопросу о римских партиях даст нам возможность правильно оценить рецензируемую книгу. Она состоит из 8 глав: 1. Личности и программы. 2. Нобили, клиенты и личные армии. 3. Подача голосов. 4. Механизмы с государственной религией. 5. Уголовные суды и возвышение нового человека. 6. Катон и «популяры». 7. Оптиматы и династы. 8. Катонизм и цезаризм.

В начале работы выбор темы исследования мотивируется поразительными параллелями этого периода римской истории с современностью. Автор находит, что Рим, являвшийся властителем мира, не имел эффективного мирового правительства, что в центре государства господствовала революция, анархия и вооруженная борьба партий за власть. Все это привело к господству одной партии и к тоталитарной системе (стр. 1).

В первой главе Л. Росс Тэйлор пытается выяснить характер римских партий и роль, которую в них играли партийные вожди и программные разногласия. Она предостерегает читателей от ошибочного отождествления римских партий с современными европейскими или американскими партиями и указывает, повторяя выводы Гельцера, что римские партии представляли собой группировки нобилитета, борющиеся за власть (стр. 6). На материале литературных источников автор пытается выяснить смысл, который вкладывали римляне в термины *factio*, *partes*, *optimates*, *populares*, и присоединяется к выводам Гельцера и Мюнцера. По мнению автора, терминами «оптиматы» и «популяры» римские писатели обозначали две враждующие группировки нобилитета. Одна из них — *optimates* — отстаивала авторитет сената в вопросах внутренней и внешней политики. Другая, называемая их противниками *populares*, пыталась захватить власть в государстве, прибегая к демагогическим приемам (стр. 14). В заключительной части главы автор подчеркивает, что в основе борьбы римских партий лежало не разногласие в программах, а соперничество выдающихся личностей, выходцев из нобилитета (стр. 23).

В следующей главе автор подробно останавливается на организации политических партий в Риме. Господствующими фигурами в римских политических партиях обычно были представители наследственной аристократии или консуляры, видевшие, подобно правящему классу Англии, в политике свою профессию (стр. 25). Некоторые из них, подобно Цезарю, Катилине или Клодию, придерживались программы популяров с целью возвыситься в государстве (стр. 45). Нобили были тесно связаны друг с другом родственными отношениями, игравшими решающую роль при определении их партийной принадлежности. Опорой нобилей среди низших слоев населения

¹ A. Premerstein, *Vom Werden und Wesen des Prinzipats*, ABAW, Phil.-hist. Abt., № 15, 1937.

² R. Syme, *The Roman Revolution*, Oxf., 1939.

³ L. Ross Taylor, *op. cit.*, стр. 162.

были клиенты. Автор, вслед за А. Премерштейном, придает исключительное значение клиентеле, указывая, что она расширялась путем дарования не-римлянам прав римского гражданства (стр. 45). Кроме клиентов, опорой побиблей были личные армии и выпущенные в отставку ветераны. По отношению к последним полководец оставался патроном (стр. 47). Итак, структура римской партии понимается следующим образом: верхушка, состоящая из аристократических лидеров, и рядовая масса клиентов, солдат и ветеранов, слепо идущих за своими вождями.

Характеризуя в следующей части своего труда римскую избирательную систему, автор подробно останавливается на двух вопросах — на роли городского плебса и италиков во время голосования и на приемах, применяемых римскими политиками для получения голосов при выборах и при проведении законодательных мероприятий. Автор высказывает мысль, что популяры проводили свою программу не во время предвыборных кампаний, а во время обсуждения законодательных мероприятий, и объясняет это различной ролью при голосовании городского плебса и италиков (стр. 62—67).

Италики, среди которых преобладали зажиточные элементы, играли главную роль в центуриатных комициях, организованных на менее демократических принципах, чем трибутные комиции. Поскольку выборы высших магистратов проходили через центуриатные комиции, оптиматам почти всегда удавалось проводить своих ставленников в сенат, что объяснялось поддержкой италиков (стр. 67). Трибутные комиции, выбиравшие низших магистратов и утверждавшие законы, были организованы на более демократических принципах. Имущественные различия в них не играли решающей роли. Хотя италики и в них составляли большинство, однако решающую роль во время обсуждения и голосования законов играло городское население, так как сельские жители Италии нерегулярно являлись на законодательные комиции. На материале источников автор характеризует такие приемы избирательной борьбы в Риме, как подкуп и насилие (стр. 62—75).

Специальная глава посвящена описанию того, как политики, находящиеся у власти, использовали официальную римскую религию в борьбе со своими противниками. По мнению автора, римская религия из «опиума для народа», каким она была в период господства сенаторской олигархии, в «эру революции» превратилась в орудие партийной борьбы (стр. 88). После установления в Риме единоличной власти Цезаря религия подпала под его контроль и служила для поддержки авторитета монарха (стр. 97).

В следующей главе автор выясняет роль уголовных судов в римской политической жизни. Уголовные процессы часто инспирировались политическими мотивами, и суд служил ареной политической борьбы (стр. 98). Во время судебных разбирательств политические вопросы обсуждались шире и свободнее, чем где бы то ни было (стр. 100). Главное значение судебных процессов автор видит в том, что они способствовали выдвижению новых людей. Здесь же подробно разбирается процесс Верреса, возвысивший Цицерона (стр. 100—118).

В главе «Катон и популяры» Л. Росс Тэйлор подчеркивает выдающуюся роль Катона в политической борьбе 70—50-х годов. Настоящим героем знаменитых декабрьских пох 63 г. до н. э. автор считает, вопреки источникам, не Цицерона, а Катона (стр. 129). Вся политическая жизнь конца 60-х и 50-х годов сводится к борьбе между республиканцем по убеждению Катоном, возглавлявшим оптиматов, но не соглашавшимся с ними полностью, и популярами, к которым автор относит Красса, Цезаря, Помпея и Катилина.

В заключительной главе «Катонизм и цезаризм» взгляды Катона возводятся в особую политическую систему — «катонизм». По мнению автора, катонизм — это идеал республики, лежащий в прошлом, в эпохе до Гракхов. Противоположный ему идеал политического строя — цезаризм. Целью Цезаря, по мнению Л. Росс Тэйлор, являлось создание такого политического строя, в котором все граждане государства были бы клиентами руководителя государства, т. е. организация всех граждан Рима в одну партию (в римском смысле этого слова) (стр. 174). Август объединил «катонизм»

с «цезаризмом», взяв у Цезаря его положение патрона, а у Катона — его идеал республики (стр. 180).

Переходя к разбору выдвинутых автором положений, прежде всего следует отметить, что они не дают почти ничего нового даже с точки зрения развития буржуазной историографии. Мы уже видели, что взгляд на римские партии как на аристократические группировки был высказан еще Гельцером и Мюнцером в 20-х годах нашего века. Штрасбургер¹ собрал все аргументы и доказательства в защиту положений Гельцера. Каких-либо новых доказательств или аргументов в пользу того, что римские партии представляли собой группировки нобилитета, Л. Росс Тэйлор не приводит.

Н. А. Машкин уже отмечал, что «главный вывод Гельцера, сводящийся к тому, что для политической жизни Рима характерна не борьба между аристократией и демократией, а борьба между аристократическими котериями, в существе своем направлена на затухивание классовой борьбы в Риме»². Автор рецензируемой работы, изучая борьбу римских партий, не видит в ней ничего, кроме борьбы нобилей, стремящихся к захвату власти и ищущих поддержки у народа.

В книге Л. Росс Тэйлор, так же как и в трудах других буржуазных историков, исследующих борьбу партий в Риме, совершенно игнорируется классовая борьба рабов. Рабы в Риме выступали со своими требованиями и не входили ни в одну из римских партий. Но партийная борьба, несомненно, зависела от активности рабов. Не случайно наибольшее обострение политической борьбы в Риме во II и I вв. до н. э. совпадает с мощными выступлениями рабов. Примечательно, что автор на протяжении всей своей книги ни разу не упоминает о Спартаке, хотя возглавляемое им восстание составляет переломный момент в истории политической борьбы в Риме.

Излагая борьбу политических партий, понимаемых ею как группировки нобилитета, автор сводит на-нет социальную борьбу среди свободного населения Римского государства. Народные массы играют пассивную роль, сами не выставляют никаких требований, а только поддерживают аристократических лидеров. Факты из истории Рима I в. до н. э. говорят, что народные массы далеко не всегда шли на поводу у римских политиков. Народ является той силой, которая побуждает Т. Гракха к реформаторской деятельности. Плутарх говорит (Т. Гракх, 8): «В действительности пробудил в нем честолюбивое стремление и решимость действовать сам римский народ, призывавший Тиберия подписями на портниках, стенах и памятниках отнять у богатых государственных земли для раздачи их неимущим». Так же и в 100 г. до н. э. народные массы, заинтересованные в проведении аграрного закона, действуют более решительно, чем авторы этого закона. Аппиан указывает (В. с., I, 31): «Марий... поспешно созвал сенат и объявил, что он боится народа, который очень ревностно относится к проведению закона». И после смерти Цезаря в Риме разворачивается социальное движение, во время которого народ действует самостоятельно, выставляя свои требования. Все эти известные факты не нашли в книге Л. Росс Тэйлор ни отражения, ни объяснения.

Игнорирование буржуазными историками, в том числе Л. Росс Тэйлор, классовой борьбы рабов, сведение на-нет социальных движений среди свободного населения являются не случайными. Это проявление реакционной буржуазной идеологии, результат ненависти буржуазии к народу и трудящимся, выражение ее животного страха перед революционными выступлениями масс.

Поскольку партийная борьба сводится в книге к борьбе внутри нобилитета, из поля зрения автора совершенно выпало всадническое сословие, игравшее значительную роль в политической борьбе I в. до н. э. Излагая вопрос о судах и их роли в выдвижении новых людей, автор не замечает, что суды в этот период были орудиями в руках всаднического сословия, с помощью которых оно проводило свою политическую линию. Именно поддержкой всаднического сословия, господствовавшего в судах, и объяснялось выдвижение Цицерона в 70-х годах. Автор не замечает антивсаднического, антиро-

¹ Strasburger, RE, s. v. Optimates.

² Н. А. Машкин, Римские политические партии во II—I вв. до н. э., ВДИ, 1947, № 3, стр. 130.

стовищического характера движения Катилины, того, что лозунг — отмена долговых обязательств, — выдвинутый Катилиной, объединил вокруг него пеструю массу должников, начиная от «расточительной знати» крупных землевладельцев-рабовладельцев, и кончая мелкими производителями сельских местностей, попавшими в кабалу к ростовщикам. Видеть в сторонниках Катилины одних лишь нобилей, стремящихся к захвату власти, и толпу их клиентов — значит игнорировать указания источников. Столь же необоснованным является утверждение автора, что Катону, а не Цицерону принадлежит главная роль в подавлении катилинариев, роль защитника интересов всаднического сословия. Уделяя столь большое внимание деятельности Катона, автор не заметил антивсаднической направленности этой деятельности, о чем свидетельствуют письма Цицерона¹.

Серьезным пороком рецензируемой книги является модернизация. Росс Тэйлор, начав с антинаучного сопоставления политической борьбы в Риме с политической борьбой в современности, и в дальнейшем неоднократно прибегает к модернизации исторических явлений. Так, на стр. 17 она называет римских всадников «классом капиталистов», на стр. 8 сравнивает роль личных связей при выдвижении кандидатов от политических партий в Америке с ролью «amicitia» в политической борьбе Рима, на стр. 25 сопоставляет римский нобилитет с правящим классом Англии. Л. Росс Тэйлор с одобрением отзывается о трудах Премерштейна и Сайма, интерпретировавших политическую борьбу в Риме конца республики «в свете роста национал-социализма» (стр. 162). Эти факты, число которых можно было бы увеличить, говорят о том, что модернизация не является чем-то случайным для рецензируемой работы, а свойственна ей и вытекает из общих реакционных установок автора.

Одним из пороков буржуазной историографии Рима является то, что весь период от Гракхов до Цезаря рассматривается как нечто целое, не прослеживаются изменения в экономике и политической жизни, происходившие на протяжении этого периода. Задачей автора было изучить партийную политику 70—50-х годов до н. э. Но каковы были изменения в партийной политике по сравнению с предшествующим периодом? На этот вопрос мы не найдем ответа в книге Л. Росс Тэйлор. Так же не показано изменение роли плебса и италиков в эти годы по сравнению с предшествующим периодом. В частности, автор не отмечает, что в 90-х и 80-х годах италики вовсе еще не являлись опорой оптиматов, как это было в последующие годы.

Обычно в центре внимания буржуазных ученых, изучающих в настоящее время историю Рима в I в. до н. э., находятся личности и идеи Цезаря и Цицерона, противопоставляемые друг другу. «Оригинальность» Л. Росс Тэйлор в том, что на место Цицерона поставлен Катон, которого она считает истинным республиканцем и человеком, понимавшим проблемы своих дней, но не знавшим, как их разрешить. Автор не замечает, что идеал республики, приписываемый им исключительно Катону, свойственен большинству оптиматов. Цицерон, так же как и Катон, идеализировал догракховскую республику с ее засильем сената. Термин «катонизм», который автор пытается ввести в обиход, представляется нам неудачным.

Книга Л. Росс Тэйлор, так же как и работы ее предшественников, служит ярким доказательством неспособности буржуазной науки разрешить вопросы партийной борьбы в Риме.

А. И. Нелировский

¹ М. Туллий Цицерон, Письма. М. — Л., 1949, XXIII—9, XXVIII—7, 8.